

Этика достойного общества

Овадья Шохер

© 2003–2008 Овадья Шохер
Все права защищены

Содержание

Этика достойного общества.....	1
Консерватизм против инноваций.....	3
Отношения бюрократов с клиентами и начальниками.....	6
Недостатки бюрократии.....	9
Оптимизация бюрократии.....	12
Коррупция.....	16
Сроки полномочий.....	22
Покупка голосов.....	27
Справедливые выборы.....	31
Голосование в реальном времени.....	38
Голосование деньгами.....	45
Регулирование неизоморфных обществ.....	48
Почему интеллектуалы склоняются влево.....	51
Предвзятость корпоративной прессы.....	53
Отсутствие закона - не беззаконие.....	56
Анархисты против социалистов.....	57
Нравственность свободного общества не уступает социалистической.....	58

Консерватизм против инноваций

Чтобы покрыть убыток в 50%, нужно получить прибыль в 100%. Слишком длинная череда убытков обанкротит любое начинание. К убыткам может привести любое решение. Экономика подобна игре с нулевой суммой, при которой рост ВВП пренебрежимо мал. Когда несколько компаний или государств преследуют одну и ту же цель, например с помощью войны, успех улыбнется только одному или нескольким, остальные проигрывают. Статистически, чем больше решений принимает компания или страна, тем быстрее она падет. Между тем для бизнеса консервативная политика вредна: консервативные корпорации могут обогнать большинство конкурентов, но безнадежно проиграть нескольким компаниям, которые не боятся риска и уникального стиля руководства. Консерваторы живут дольше среднего, но в долгосрочной перспективе они обречены. Рискованные предприятия, напротив, кратковременны, но некоторым из них удается превратиться в крупных игроков. Вообще, взойти на вершину успеха невозможно, не рискуя.

В отличие от корпораций, государства – монополисты. Экономически слабое государство не теряет своих граждан (клиентов), поскольку они не могут просто взять и уехать. Консервативное государство может существовать бесконечно долго, наблюдая за появлением и крахом более смелых государств и перенимая у них только проверенные временем новшества. Эта стратегия отражается на гражданах гораздо хуже, чем в наиболее развитых сегодня странах, но гораздо

лучше, чем в большинстве остальных стран. Поскольку война – это высшая степень риска, самые консервативные государства избегают войн. Такие страны как Швеция и Бельгия развиты именно в силу высокого консерватизма, хотя их экономики ничем не примечательны. В долгосрочной перспективе консервативное государство более устойчиво, чем инновационное (например США). Если страна ведет себя слишком активно, уподобляясь азартному игроку, она совершает много ошибок и со временем банкротится. Консервативная страна не получает сверхприбылей, возможных благодаря экономическим инновациям и смелым политическим шагам, но учится на чужих ошибках. Оно накапливает благосостояние медленно, но стабильно. Зависть к более развитым экономикам, помноженная на непонимание преимуществ консерватизма, может подтолкнуть такую страну к более активным действиям: человеческую природу всегда отличала нестабильность. Уже сейчас наиболее предприимчивые шведы либо занимаются бизнесом за рубежом, либо эмигрируют.

В экономике даже наиболее компетентные и информированные предприниматели ошибаются в большинстве решений. Благодаря ограниченности у них средств такие ошибки быстро нейтрализуются, а закрепляются только лучшие решения. У государств финансовые ресурсы огромны, и они часто могут продолжать неверную политику практически бесконечно, в результате чего в системе накапливаются искажения. Политики обычно принимают решения в сферах, где они некомпетентны. Часто принимаются осознанно контрпродуктивные политические решения в угоду лоббистам и

Этика достойного общества во вред остальному населению. Следовательно, инновации в области законодательства почти всегда вредят обществу. Бюрократия в лучшем случае является балластом, поддерживая консервативную политику. В худшем случае бюрократия формально уступает популистским требованиям инноваций, но вместо инноваций предлагает лишь новую форму регулирования. И действительно, инновации не могут быть институционализированы; закрытая государственная система не способна к качественной модернизации самой себя. Радикальные изменения приходят либо с революциями, либо с чрезвычайно сильными лидерами, формальными и неформальными. Поскольку в развивающихся обществах определенный уровень инноваций необходим, новые законы нужно испытывать в отдельных регионах. В идеале несколько вариантов одного и того же закона нужно испытывать в разных регионах, а за право провести такие испытания предлагать регионам плату. Государство даже может организовать аукцион, в котором право на проведение законодательного эксперимента получит регион, потребовавший наименьшую плату.

Но если консерватизм настолько хорош, почему бы тогда не предоставить монополию консервативным мегакорпорациям? Почему столько ресурсов тратится на поддержку ожесточенной экономической конкуренции? Ответ в том, что консерваторы зависят от либералов, которые делают ставки и чаще всего проигрывают, но иногда находят новые удачные решения – их и заимствуют консерваторы. Кроме того, тогда как консерватизм выгоден акционерам, от инноваций выигрывают потребители.

Отношения бюрократов с клиентами и начальниками

В частном предприятии источником суверенитета является собственник, в публичных компаниях и государствах – акционеры и граждане. Граждане находятся в более сложной ситуации: они одновременно и собственники, и клиенты государства. Для бюрократов низшего звена граждане являются не собственниками, а клиентами. Бюрократы наделены монопольным правом на предоставление государственных услуг и, следовательно, определенным контролем над людьми. Контролируя граждан – источник государственной власти, – низшие бюрократы в значительной степени контролируют и саму эту власть. Ежедневно общаясь с гражданами, низшие бюрократы узнают об их занятиях, о ситуации на местах и в итоге развивают с населением тесную связь, что для людей нередко важнее, чем отношения с чиновниками более высоких рангов. Поскольку любая система власти обладает определенной гибкостью, низшие чиновники имеют возможность интерпретировать законы. Законодательная власть формулирует законы, но интерпретируют их бюрократы. Таким образом, граждане часто зависят от бюрократов больше, чем от парламента. Все это делает низшую бюрократию довольно мощной силой, если сравнивать с высшими эшелонами власти. Чем теснее связь чиновников с населением (обмен документами по почте позволяет минимизировать эту связь), чем более гибко они могут интерпретировать законы, тем они могущественнее. Низшие бюрократы не так часто мелькают в прессе, как высшие, и потому дольше сохраняют свои должности. Если

Этика достойного общества политических назначенцев поменять несложно, то уволить государственного служащего может быть проблематично. Наиболее стабильны чиновники среднего звена: они не общаются с гражданами-потребителями и в силу этого почти неуязвимы для их жалоб. В отличие от граждан, акционеры не являются клиентами для своих менеджеров. Корпоративный эквивалент граждан-клиентов – наемные работники, лично связанные с низшими менеджерами. Поскольку сила и легитимность распределены по всей бюрократии, высшие чиновники не могут отдавать своим подчиненным приказы, как в малых частных компаниях. В крупных корпорациях, аналогично государственной системе, решения принимаются согласованно и с учетом мнения нижестоящего персонала.

Поскольку отдельный бюрократ способен контролировать ограниченный набор задач своих подчиненных, с ростом организации увеличивается и число иерархических уровней, необходимых для ее администрирования. В процессе работы бюрократ приобретает опыт и связи, что затрудняет его увольнение; ясно, что топ-менеджер не может уволить большую группу администраторов, не сорвав рабочий процесс. Бюрократы не конвейерные работники, а скорее микроменеджеры, владеющие комплексными знаниями в своей сфере, которые обычно не преподают в институтах. Именно они приспособливают к нуждам населения бессмысленные законы или корпоративные правила. Специфические знания бюрократов наделяют их переговорной силой, что должны учитывать высшие чиновники. Системы иерархического управления подобны рынку, где вместо приказов используется убеждение. В

разных обществах вес бюрократов низшего звена отличается: наиболее могущественны они обычно в примитивных экономиках, где нет развитых механизмов контроля и обратной связи. В развитых экономиках низшие чиновники по сути являются клерками, поскольку контролируются одновременно вышестоящим начальством и гражданским обществом, информированным о своих правах. В последнем случае неформальной силой адаптировать неудобные законы наделены только чиновники среднего и высшего звена.

Поскольку администрирование подразумевает не столько бумажную работу, сколько умение принимать произвольные решения, современные компьютеры пока неспособны заменить бюрократов. Зато компьютеры полезны при контроле подчиненных чиновников: например, они могут фиксировать время прихода на работу, сверять данные, анализировать различные параметры производительности труда. Развитие средств коммуникации и контроля способствует концентрации власти топ-менеджеров. Частично эту тенденцию нейтрализует современное законодательство и сложная система бизнес-операций, требующая от чиновников всех уровней принимать более разнообразные и в силу этого менее контролируемые решения. Появление компьютеров с искусственным интеллектом приведет к еще большей централизации: появятся бюрократы-компьютеры, управляемые как единое целое непосредственно высшим руководством. С другой стороны, падение стоимости обработки данных даст людям больше знаний и возможностей, что уменьшит централизацию.

Недостатки бюрократии

Бюрократия страдает от той же проблемы рационализма, что и центральное планирование и вообще любое регулирование: субъективные решения менеджеров применяются ко всей системе в целом. Рынок же, напротив, по каждому вопросу тестирует большое число возможных решений, сохраняя только лучшие из них.

Бюрократы высшего звена могут потребовать от граждан почти все что угодно – но не от собственных подчиненных, с которыми их объединяет круговая порука в незаконном сговоре по искажению законодательства. Неявные переговоры – типичный метод сотрудничества между иерархическими уровнями: высшие чиновники объявляют цель, низшие формулируют необходимые для ее достижения ресурсы (деньги и полномочия). Если постоянно полностью выполнять их требования, в нижней части бюрократической лестницы сосредоточится слишком большое влияние. Следовательно, вышестоящие менеджеры вынуждены торговаться, снижая требования. В рыночной экономике торговые переговоры приводят к формированию объективной цены; в бюрократии переговорный процесс централизован и любая согласованная цена произвольна. Ни высшие, ни низшие чины не знают, сколько точно ресурсов необходимо для того или иного проекта. Может случиться так, что внизу произведут достоверные подсчеты, но сверху начнут снижать цену просто из прихоти. Низшие чиновники знают условия этой игры и специально завышают подсчеты, чтобы компенсировать максимально

ожидаемое понижение цены. В результате даже со средним понижением они получают больше, чем необходимо. Если оставить эти средства нетронутыми, это может привести к дискредитации будущих расчетов, а истратить ровно столько средств, сколько выделено, обычно невозможно, потому что планирование никогда не бывает точным. Таким образом, бюрократы всегда перерасходуют средства, и так изначально избыточные. Регулирование расточительно по своей природе.

В отличие от компаний, государство не может оценивать работу своих сотрудников на основе их вклада в добавочную стоимость, потому что государство ее не производит. Для определения зарплат и бонусов бюрократов государство использует иные факторы: сравнение с зарплатами в частном секторе (где сотрудники лучше осведомлены и совершают более осмысленную работу), объемы контролируемых средств (или, напротив, истраченных), объемы обработанной документации (которой всегда много в бюрократических организациях), число обслуженных потребителей (вне зависимости от их удовлетворенности). Ни один из этих критериев не мотивирует чиновников повышать качество своего труда, зато они мотивируют принимать сотрудников с низким уровнем образования и расплывчатыми обязанностями, увеличивать объем функций и бумажной работы, требовать больше средств и регулировать работу большего числа людей. Имитация работы гораздо лучше сказывается на зарплате, чем собственно работа. Раздувание операций и уклонение от работы приводят к тому, что на работу постоянно принимаются новые бюрократы, а операции распределяются между разными людьми. Это

Этика достойного общества
бесконтрольный процесс, поскольку в отсутствие конкуренции между сходными бюрократическими учреждениями топ-менеджеры не могут определить ни относительное качество работы, ни способности своих подчиненных. Когда деньги принадлежат абстрактному государству и по сути бесплатны, найм новых сотрудников является самым простым способом выполнения задач.

Бюрократический истеблишмент склонен к разрастанию числа сотрудников и спектра выполняемых операций: эти две тенденции взаимно усиливают друг друга, способствуя постоянному расширению и усилению бюрократии. Этот рост ограничен только экономическими возможностями, причем бюрократия сказывается на нем негативно: она и потребляет его напрямую в виде зарплат, и снижает за счет оттока кадров (бюрократы могли бы эффективно трудиться в частном секторе; регулирование душит экономику и заставляет предприимчивых людей переносить бизнес в менее регулируемые страны). Богатые страны с высокотехнологичной экономикой поддерживают высочайший уровень бюрократии и регулирования, однако и они не являются исключением из исторического правила: чрезмерное регулирование губительно для государств. Это не должно происходить в государствах с чутким и ответственным правительством; к сожалению, таких государств не существует. Приходящие и уходящие политики, будь они даже мудры и честны, просто не в состоянии изменить трясину бюрократии – единственное настоящее правительство. Закрытая система не убивает сама себя, ее убивают паразитирующие на ней. Бюрократическое правительство

расширяется до тех пор, пока не уничтожает собственное государство. Польза от любых реформ лишь временная: скоро появляется новая бюрократия. Единственный выход – тяга к свободе, когда люди в принципе отвергают бюрократическое регулирование своей жизни.

Оптимизация бюрократии

Очевидным способом администрирования крупных и неэффективных структур является разделение их на небольшие полунезависимые единицы. В феодальных обществах этот подход использовался по необходимости, поскольку в эпоху неразвитых коммуникаций и транспорта царь не мог контролировать народ напрямую. Сегодня президенты и топ-менеджеры возмущаются, что им приходится делить власть с «феодальными» главами подведомственных структур.

Рискованные предприятия, в которых принимается большое число разнообразных решений по сложным вопросам, с трудом поддаются контролю и лишены четкого плана действий. Если такой контроль достигнут (например, жители контролируют муниципальные власти), распределенное принятие решений работает слаженно: местные администрации обладают значительной властью и используют ее эффективно и ответственно. Однако затем чиновники более высоких рангов вторгаются в сферу ответственности местных администраций и навязывают им свои правила в обмен на субсидии.

Разделение крупного образования на более мелкие не уменьшает бюрократию, но увеличивает число менеджеров (глав

Этика достойного общества отдельных операций), наделенных авторитарной властью, что делает систему более активной. Поскольку каждое мелкое образование (дочерняя компания корпорации или государственный департамент) номинально принадлежит собственникам (акционерам или гражданам) с различными взглядами, его политика более консервативна и, следовательно, менее эффективна, чем в лучших частных компаниях. Это не единственный системный недостаток бюрократии; другой состоит в том, что у бюрократов развиваются качества, противоположные тем, что помогают предпринимателям выигрывать в условиях рынка: верность начальству, уклонение от инициативы и риска, невысокий интеллект, некритическое мышление. Привычка работать с деньгами, принадлежащими другим людям, часто приводит к коррупции и легкомыслию. В отличие от рынка, бюрократия поощряет худшие качества и выжимает из своей среды достойных людей.

Рынок поощряет таких людей и такие модели поведения, которые лучше других отвечают интересам потребителей. Поскольку желания граждан и даже акционеров невозможно объективно оценить и подсчитать, работа бюрократов не поддается оценке с точки зрения качества обслуживания. По этой причине чиновников не интересуют потребности людей и акционеров. Потребители определяют успех предпринимателей; начальники определяют карьерный рост бюрократов. Разумные чиновники обслуживают собственных начальников, а не граждан или акционеров. Люди часто ненавидят тех, кого обидели, но если рационализировать обиду, превратив ее в справедливую, можно избавиться от чувства вины. Ежедневно

нарушая свои фидуциарные обязательства перед гражданами или акционерами, бюрократы выказывают им свое презрение, за счет чего поднимают собственную самооценку. Групповая лояльность, враждебность к другим гражданам или акционерам и ежедневное злоупотребление доверием – все это позволяет охарактеризовать бюрократию как институт порочный, направленный на удовлетворение собственных потребностей.

Если поощрять бюрократов всех уровней путем голосования коллег и подчиненных, а не произвольными решениями начальников, это может улучшить бюрократию, выдвинув на первое место профессионализм как фактор продвижения по службе. Такой подход также может защитить бюрократию от невежественных политических назначенцев. Консерватизм статистически лучше, чем постоянные смены курса.

Везде, где только возможно, бюрократию необходимо заменять рыночными механизмами. Обязательна полная приватизация, для отправления государственных услуг нужно привлекать сторонних подрядчиков. Осуществляя аутсорсинг государственных услуг, чиновники преследуют собственные интересы за счет налогоплательщиков, хотя и в рамках закона. Концессии должны получать те, кто предлагает самую высокую цену, а не самую низкую, как хотелось бы гражданам. Например, налоговую инспекцию могут заменить откупщики, покупающие налоговые откупы на аукционах. Соответственно, налоговая инспекция в таком сценарии превращается в небольшой орган, занимающийся исключительно аудитом откупщиков, причем даже эту работу можно поручить частным аудиторам. Во всех

Этика достойного общества
случаях, когда граждане извлекают прямую выгоду из услуг, предоставляемых государствам, голосование предпочтительнее аукциона: например, частные охранные компании могут предлагать свои услуги государству, называя свои цены, а жители будут голосовать за лучшую компанию, избирая ее вместо полиции.

Во многих случаях, достаточно четко сформулировать задачу, а не устанавливать централизованно детализированные правила. Так, задачей экологического законодательства является обеспечение жителей определенного региона комфортной окружающей средой; следовательно, им надо дать возможность самим решить, строить в данной местности загрязняющий среду завод или нет. Точно так же население может ввести в своей территории более жесткие экологические нормы, чем предписано правительством. Государство должно только дать право местным властям претворять в жизнь экологические нормативы, и не более того. Далее, бюрократия на местах должна иметь право устанавливать собственные процедуры в заранее установленных рамках; наградой за оптимизацию регулирования станет высокий сбор налогов.

Поскольку законы не в состоянии описать все возможные ситуации, их применение должно оставаться гибким: жесткая бюрократическая система неэффективна. С другой стороны, чрезмерная гибкость превращается в произвол, тогда как для игроков рынка важна предсказуемость государственной политики. Хорошая бюрократическая система умеет поддерживать баланс между предсказуемостью большинства

решений и гибкостью (понимаемой как уступки отдельным лицам за счет государства).

Коррупция

В рыночной экономике людям безразличны усилия и намерения; они платят за результат – полученные товары и услуги. Результаты работы бюрократической системы оценить невозможно: ценность услуг чиновников всегда отрицательна, в лучшем случае, услуги чиновников не слишком обременительны. Ни одна бюрократическая операция (лицензирование, налогообложение и т. п.) не имеет положительной ценности для граждан-потребителей. Даже если допустить, что бюрократия может оказывать ценные услуги (например помощь при составлении резюме), их себестоимость будет заведомо выше чем у аналогичных частных услуг и, следовательно, иметь отрицательную ценность для потребителей. Клиент может вознаградить бюрократа за снижение этой отрицательной ценности путем взятки. Впрочем, взятку можно рассматривать и как своего рода чаевые, вознаграждение за качественное обслуживание или сверхурочную работу, при условии ненарушения процедур. Поскольку бюрократы работают в сфере обслуживания, они имеют право на чаевые, поощряющие любезное отношение к потребителям.

Бюрократы открыты для взяток. Коррупция служит интересам предпринимателей, доходы которых нередко зависят от государства (заказы, субсидии, концессии, налоговые

Этика достойного общества льготы). Политики зависят от бизнеса и состоятельных граждан, которые финансируют их компании, и потому коррумпированы. Следовательно, их назначенцы в высших эшелонах бюрократии также всегда готовы брать взятки. Чиновники среднего звена стремятся к более высоким позициям и потому тоже склонны к коррупции.

Бюрократы среднего и высшего звена имеют больше пространства для принятия решений, чем их нижестоящие коллеги, и часто могут влиять на политические решения, которые практически ничем не ограничены. Следовательно, вся государственная система от политиков бюрократов среднего звена подвержена взяточничеству: взятки берутся за нужные решения.

Это качественное различие между разными эшелонами бюрократии по уровню коррумпированности фундаментально и неустранимо. Политические решения всегда произвольны, иначе функции правительства могли бы выполнять компьютеры. Политики во многом зависят от бюрократов, выполняющих их решения, и потому вынуждены делить с ними власть. Властью в данном случае является право на гибкость. Чиновники определенного уровня всегда будут иметь право на произвольные решения, выгодные для определенного круга заинтересованных лиц.

Никакая степень общественного контроля не способна полностью устранить злоупотребление свободой произвольных решений: любое решение оправдывается якобы рациональными соображениями и его нельзя отменить как однозначно плохое. Демократические государства коррумпированы по своей

природе, поскольку каждая группа использует выборные рычаги для получения максимальной доли бюджетного пирога: демократические политики привыкли принимать решения, пагубные для общества, но выгодные лоббистским группам, спонсирующим политиков. В обществе с размытой моралью неважно, от чего именно зависит политик: от голосов (конгрессмен, требующий бюджетных денег для своего региона) или от денег, за которые эти голоса покупаются (реклама или рабочие места в регионе).

Нетерпимость общественности к взяткам, сильная полиция и проработанное законодательство позволили развитым государствам устранить коррупцию на нижнем уровне бюрократии. У этого подхода есть свои минусы, поскольку чрезмерно проработанное законодательство склонно к избыточному регулированию, что душит экономический рост.

Когда множество бюрократов низшего звена коррумпированы, все клиенты находятся в одинаковой ситуации: чиновники одинаково легко доступны, суммы откатов хорошо известны, действия бюрократов предсказуемы. В подобной ситуации ни один взяточдатель не выигрывает у других, поскольку взятки берут все. У взяточдателей уже нет конкурентных преимуществ. Однако по мере восхождения по иерархической лестнице ситуация меняется: бюрократов среднего и высшего звена относительно немного, как и средних и крупных компаний. Главным фактором изоморфных операций является множественность транзакций. Когда сторон немного и количество транзакций (взяток и концессий) ограничено, «рынок» взяток не однороден. Крупные взятки – это способ для

Этика достойного общества
взякодателя получить преимущество над своими конкурентами, которые тоже дают взятки. Преимущество может быть в том, чтобы заплатить меньше, получить больше, либо найти чиновника, которого другие взякодатели не в состоянии подкупить. В результате в любой стране существует спрос на коррупцию в среднем и высшем звеньях.

Борьба с коррупцией полезна для общества только тогда, когда она может быть ликвидирована полностью.

Преследования коррумпированных чиновников среднего и высшего звена вредны для общества, как вообще любая бесполезная борьба. Бюрократы в развивающихся коррумпированных государствах часто выкачивают до 10–30% стоимости государственных концессий в виде откатов. Развитые страны с высоким уровнем общественного контроля не допускают таких злоупотреблений. В таких странах чиновники иногда получают в виде взяток меньше 0,1% концессий.

Казалось бы, это хорошо, однако в результате резко возрастают бюджетные расходы: чтобы получить хорошую взятку в абсолютном выражении, чиновники выдают крупные избыточно профинансированные контракты и другие концессии. Поскольку такие контракты не являются однозначно ошибочными, общественность мало возражает по их поводу. Более того, взякодатели даже выигрывают от борьбы с коррупцией, потому что получают больше ресурсов в обмен на тот же уровень взяток.

Как любое явление, коррупцию не следует доводить до крайности, включая крайность нулевой коррупции. Человеку свойственно стремление извлекать прибыль из контролируемого

им денежного потока, и он всегда найдет способ для этого, какие бы законодательные или общественные барьеры против этого ни возводились. Такие барьеры всегда отвечают на уже существующие методы взяточничества, но не могут предусмотреть новые, придуманные изобретательными взяточниками. Снижение процента взяток ниже определенной отметки (скажем, 0,5% цены государственных концессий) ведет к неоправданному повышению бюджетных расходов. Потеря части государственных средств на лоббирование корпоративных интересов не так высока в сравнении с другими тратами, например зарплатой государственных служащих или избыточными социальными расходами. В прозрачных обществах коррупция не очень существенна экономически.

Извлечение прибыли из контролируемого денежного потока – неотъемлемое свойство рыночной экономики. Зарплата директора крупной компании выше, чем директора малой компании. Стоимость акций (имущества акционеров) рассчитывается с учетом объема продаж. Комиссионные инвестиционных банкиров зависят от размера эмиссии.

Политика терпимости к небольшим взяткам позволяет управлять ими. Лоббистов можно обязать регистрировать свои проекты, чтобы их могли контролировать общественность и, главное, другие взяткодатели. Доходы чиновников можно подвергнуть налогообложению. Легализация взяток вернет бюрократов в цивилизованные рамки, тогда как сейчас они ведут преступный образ жизни и для поддержания самоуважения вынуждены презирать своих жертв. Освобождение бюрократии от запрета естественного

Этика достойного общества ненасильственного поведения сделает ее более прозрачной и не такой уродливой. Если дать бюрократам возможность получать взятки законно, они могут начать требовать больше денег и власти, что приведет к разрастанию бюджета. Однако легализация здесь не причем, потому что это происходит и сейчас. Зато учет взяток нормализует отношения между разными уровнями иерархии. Чем больше чаевых получает бюрократ, тем более он эффективен. Он может купить верность подчиненных и расположение начальников, что приведет к распространению во всей системе эффективных политик и моделей поведения, улучшая ее.

Легализация взяток приведет к их незначительности. В основном коррупция возникает потому, что взяткодатели надеются наладить связь с бюрократами, не доступными для их конкурентов. Когда все бюрократы одинаково доступны, причем законно, их подкуп не несет в себе никакого конкурентного преимущества. Взятки превратятся в простые чаевые. Если одну и ту же работу обычно выполняют несколько чиновников с правом подписи, они будут конкурировать за чаевые, одновременно их понижая. Получив неожиданно высокую взятку, они будут тратить ее на назначения, подарки начальству и финансирование выборов, таким образом возвращая деньги взяткодателей обратно в экономику. Все понимают, что без источников финансирования (собственных или партийных) ни один политический кандидат не может быть избран: хорошо это или плохо, но это единственный способ проведения выборов в больших странах, где кандидаты зависят от рекламы в масс-медиа. Более того, правительство вообще может выставлять

средние и высокие должности на аукционы для опытных бюрократов, где побеждает предложивший самую высокую цену. Поскольку бюрократ не сможет предложить больше, чем он рассчитывает заработать на взятках, это сделает коррупцию практически полностью невыгодной.

«Рыночные» способы легализации взяток могут сработать только в относительно прозрачной, демократической, рыночной экономике; в олигархической экономике с ее ограниченным доступом к власти эти меры только усугубят проблемы: например, легализуются огромные состояния, ранее считавшиеся незаконными.

Сроки полномочий

В охоте за избирателями главные политические партии размывают свои платформы, так что между ними исчезают всякие различия. Единственное серьезное отличие: отрицание платформы конкурирующей партии. Придя к власти, новая партия отменяет начинания своих конкурентов и запускает противоположные или по меньшей мере отличные проекты. Такой подход делает невозможным осуществление долговременных проектов. Возникают две тенденции: кратковременность всех начинаний правительства (из политической необходимости рекламировать какие-то достижения в очередной избирательной кампании) и рискованные долговременные проекты, предпринимаемые из популистских соображений в надежде, что следующее правительство их свернет.

В демократиях с прозрачным законодательством редко бывают откровенно ошибочные программы. Почти любой проект, выдержавший длительную стадию внедрения, будет лучше, чем постоянные повороты на 180 градусов. Общество должно научиться ограничивать вероятность таких поворотов.

Не следует опасаться, что правящая партия будет эксплуатировать постоянство законодательства, запуская проекты, вредные для электората ее конкурента – хотя бы из страха ответных шагов. В условиях взаимосвязанного общества политика, губительная для одной крупной группы, часто бьет и по другим группам. Если правящая партия ожидает в недалеком будущем уйти и затем снова прийти к власти, она будет избегать вредных для экономики шагов.

Отсутствие серьезных различий в платформе провоцирует враждебность между политическими партиями, ни одна из которых не хочет терять избирателей и потому вынуждена поддерживать видимость принципиальных отличий от конкурентов – а разногласия в принципах ведут к вражде. Общество сдерживает враждебность среди своих членов с помощью политики «зуб за зуб», наказывая за несотрудничество. Но политические партии не боятся ответных действий конкурентов: придя к власти, они могут просто отменить все решения предшественников и устранить угрозу. Долгосрочное законодательство закрывает эту лазейку и заставляет партии меньше конфликтовать и больше сотрудничать друг с другом.

Лоббисты, не обращающие внимания на общество и принцип обоюдности, могут пытаться воспользоваться

долгосрочными правительственными программами. Это не ухудшит положение, поскольку лоббированные программы и сейчас относятся к числу наиболее долгоживущих. В прозрачных обществах лоббированные программы не могут быть чересчур вредными; возможно, они даже полезнее среднестатистических законов, поскольку гарантированно выгодны для значимых групп или деловых кругов (следовательно, для рабочих и акционеров тоже).

Предсказуемость государственной политики является главным условием для беспрепятственной работы рынка. Адекватные представители субсидируемых меньшинств, школы, производители оружия – все предпочтут ясность перспектив возможным всплескам доходов от лоббирования. Общество всегда будет приветствовать долгосрочную политику.

Долгосрочность не подразумевает неизменность. Любую программу всегда можно свернуть, однако ее противники должны доказать необходимость в этом – например, путем голосования квалифицированного большинства в парламенте. Это воздвигнет барьер перед злоупотреблениями.

Многие проекты смехотворно краткосрочны. Какой смысл в годовых бюджетах? Большинство расходных статей можно задать в виде процента от государственных доходов, оставив при этом небольшой резерв для экстренных ситуаций. Чтобы внести в бюджет какое-то изменение, нужно голосовать за него пять лет подряд. Такая мера позволит парламентариям лучше изучить ситуацию: сейчас большинство из них не имеют представления о том, за что голосуют.

Зачем постоянно проводить выборы, когда платформы главных партий практически идентичны? В большинстве демократических стран имеются две партии или коалиции, каждая из которых периодически приходит к власти. За каждую такую партию практически всегда голосуют одни и те же люди; если у власти в какой-то период находится одна партия, это не делает ее легитимнее другой. Удлинение срока полномочий парламента позволит нейтрализовать непропорционально сильное влияние меньшинств и небольших партий, которые сейчас могут управлять балансом сил и даже ходом выборов, примыкая к крупным партиям. Обычно это делается не из принципиальных соображений, а из неудовлетворенности сотрудничеством с предыдущим правительством, из которого не удалось выжать все, что планировалось. В итоге получается так, что на каждых выборах обе крупные партии соперничают за именно эту небольшую, но критически важную группу, и она постепенно наращивает свое влияние, в том числе на бюджет. Многие голосуют за оппозицию только потому, что действующие политики приобрели плохую репутацию; естественно, не обремененная властью оппозиция всегда выглядит лучше.

Зачем избирать президента каждые четыре или пять лет? Десяти-, пятнадцатилетний срок делает его практически монархом, при этом позволив принимать менее популистские и более мудрые решения. Чтобы получить должность, политику приходится демонстрировать все худшие качества (конформизм, беспринципность, коррумпированность); долгий срок полномочий позволит ему снова стать достойным человеком.

Два срока – это слишком непрактично. Тираны могут обойти это ограничение, а демократиям со свободой слова и прозрачными выборами нет смысла бояться пожизненного президентства. Если президент настолько популярен, что избирается в третий раз, если он набрал огромный опыт, если его политика за два срока доказала свою эффективность, то это настоящий подарок для нации. Почему, вместо того чтобы дать ему третий пятнадцатилетний срок, его нужно выбрасывать из кабинета? Правило двух сроков было введено только для того, чтобы помочь партиям повысить шансы в борьбе за власть, а никак не ради пользы для общества. С другой стороны, зачем держать пять лет лидера, которого поддерживает 10–12% населения?

Чтобы снизить факторы риска, можно заключать с политиками контракты. Кандидат должен будет письменно зарегистрировать свои обещания в избирательных органах. Если он нарушает эти обещания, что подтверждает суд, он автоматически подвергается импичменту. Большинство кандидатов будут предлагать расплывчатые программы, доказать нарушение которых будет сложно или вообще невозможно. На их фоне честные кандидаты с четкими и реалистичными обещаниями будут получать бóльшую поддержку. А можно поступать так, как в случае с коммерческим контрактом: прямо запрещать кандидатам регистрировать расплывчатые или уклончивые обещания.

Покупка голосов

Запрет покупать голоса не имеет оснований. Демократия подразумевает ответственность избирателей. Если государство считает их безответственными, тогда имеет смысл перейти к более покровительственному режиму – аристократии, меритократии или автократии. При демократии избиратели имеют право предпочитать одного политика другому по любой причине, вплоть до внешности. И тем более люди имеют полное право предпочесть одного кандидата, обещающего немедленную и конкретную финансовую помощь, другому, обещающему туманные золотые горы в неопределенном будущем. Учитывая, сколько раз политики нарушали свои предвыборные обещания, возможность для избирателей получить пусть и немного денег, зато гарантированно, будет вполне рациональным решением.

В древних городах-государствах система покупки голосов содействовала сильному неравенству кандидатов, но даже при этом в Риме подкуп избирателей процветал. В крупных национальных государствах кандидаты и так неравны: без серьезной финансовой поддержки невозможно осуществить эффективную избирательную кампанию. Следовательно, покупку голосов можно разрешить в тех случаях, когда это не сильно усугубляет уже существующее неравенство между кандидатами. Выборы в местные органы власти относительно недорогие, там кандидаты просто встречаются с людьми и размещают недорогую рекламу; если разрешить им покупать голоса, результаты выборов станут совершенно непредсказуемы, как в древних демократиях. Но когда избирателей больше,

начиная с выборов мэров крупных городов и выше, то выборы в любом случае сильно зависят от денег. Если разрешить покупку голосов, это может даже уменьшить эту зависимость, поскольку деньги будут расходоваться рациональнее и их потребуется меньше. Государство не должно пытаться обеспечить равенство кандидатов, если оно не в состоянии обеспечить равенство возможностей в других сферах, будь-то интеллект, красота или удача. Деньги лишь один из многих факторов неравенства кандидатов, причем не самый главный. Связи и красноречие часто играют более важную роль.

Реклама по своей сути – это та же покупка голосов, при этом избиратели не имеют ни представления, ни интереса о кандидате как о личности. Размещая рекламу, состоятельный кандидат фактически покупает голоса. Запрет прямой покупки голосов больше бьет по менее состоятельным кандидатам. Неестественные запреты никогда не работают, а нередко и ведут к противоположным результатам. Запрет убийства и воровства обычно выгоден всем, тогда как запрет покупки голосов противоречит желанию тех же граждан, которых он якобы защищает.

Непрямой подкуп чрезвычайно выгоден чиновникам, которые регулярно и законно подкупают избирателей с помощью государственных ресурсов, таких как контракты, субсидии и налоговые льготы. «Подкуп обещаниями» является законным видом крайней коррупции: кандидаты соблазняют общественность общественными же деньгами, обещая *в случае* своего избрания финансовые блага для населения. Поскольку каждый кандидат пытается предложить избирателям как можно

Этика достойного общества больше благ, это отрицательно сказывается на бюджете, поскольку в него закладываются суммы откатов для групп поддержки. Для кандидатов этот процесс бесплатен, но для общества губителен; если позволить кандидатам подкупать избирателей напрямую, они будут обещать избирателям меньше казенных денег. Избыточность бюджета провоцирует на расточительное к нему отношение. Единственный способ свести бюджетные траты почти к нулю – это поддерживать минимальный бюджет для финансирования только самых первоочередных задач.

Цена выборов будет не слишком высокой для простых людей; по крайней мере, не выше, чем сейчас. Обычно один голос стоит меньше десяти долларов: такую сумму несложно собрать с группы поддержки. Кроме того, никто не запрещает привлекать избирателей традиционными способами, такими как реклама.

Разрешение покупки голосов откроет двери президентских кабинетов перед миллиардерами. Политики боятся этого сценария, потому что он означает для них политическую смерть, однако для граждан в этом нет ничего плохого. Если человек заработал много денег или хотя бы доказал, что умеет успешно ими управлять, он обычно более благоразумен, чем политические назначенцы. Из истории известно, что отпрыски богатых семей обычно бывают хорошими президентами.

Плата за голоса не испортит политиков, зато сделает коррупцию невыгодной, поскольку цена голосов поднимется до уровня ожидаемых доходов и даже, возможно, выше – что естественно для иррационального политического рынка с

ограниченными ресурсами (число мест в парламенте). Те, кому просто нужна прибыль, не будут покупать должности или финансировать для этого других. Единственное исключение – очень талантливые и аморальные дельцы, которые хотят повисить свои прибыли за счет связи с правительством; однако у них и сейчас есть для этого все возможности, пусть и неформальные. Умные люди в парламенте смогут принести обществу пользу, даже если немного и присвоят, а неопытные политики – нет.

Концепция анонимных пожертвований непрактична. Масса мелких спонсоров и так не может влиять на кандидатов. Крупные же спонсоры, даже если внесли пожертвование анонимно, всегда могут сообщить об этом кандидатам, а кандидаты всегда могут проверить это по своим счетам. Ограничение предвыборных фондов скромными суммами бессмысленно и недемократично. Во-первых, это выравнивает возможности популярных и непопулярных кандидатов; во-вторых, для кандидатов становится выгоднее работать с несколькими крупными спонсорами, чем с большим числом мелких.

Одним из решений может быть ограничение размера пожертвования от одного жертвователя и запрет анонимных пожертвований. Так финансовые ресурсы кандидатов будут примерно соответствовать уровню их общественной поддержки. Этот подход поставит новые партии в невыгодное положение: они еще не популярны и зависят от нескольких спонсоров, даже тех, что готовы пожертвовать на новую идею все свои средства. Этот подход можно подрегулировать, разрешив небольшое

Этика достойного общества количество крупных пожертвований. Любая конкретная планка будет полностью произвольна: низкая планка будет дискриминировать новые партии, высокая создаст лазейку для крупных спонсоров, и в любом случае она неэффективна, потому что у партий и так много денег. Эти деньги невозможно проконтролировать до конца, не разрушив основы демократии: кто может запретить различным общественным группам поддерживать своего кандидата рекламой, демонстрациями или иными способами? Пока они имеют на это право, крупные спонсоры могут покупать рекламу, профсоюзы – устраивать демонстрации и т. д., и это не является прямым субсидированием кандидатов.

Справедливые выборы

Голосование путем простого большинства (по принципу «победитель получает все») означает, что депутаты парламента имеют разное число голосов. И наоборот, доля избирателей в парламентском представительстве неодинакова. Если в округе 100 тысяч избирателей, иногда выборы выигрывают 50 тысяч голосов, а иногда лишь 10. Соответственно, в первом случае своего представителя в парламент выдвигают 50 тысяч человек, а во втором – 10: влияние одних и тех же граждан на работу парламента различно, в данном примере в пять раз. Идея о том, что депутаты представляют не столько избирателей, сколько округа, – вымысел. Принцип голосования большинства неизменно порождает конфликт интересов: когда предпочтения разных избирателей противоречат друг другу, кандидаты

вынуждены угождать только собственным группам поддержки, забывая об остальных гражданах, которых они якобы представляют.

Чтобы добиться равного представительства, можно ввести пропорциональное голосование и отменить избирательный порог. Во многих странах существуют избирательный порог (обычно 3–5% голосов), призванный удалить из парламента излишне радикальные партии и повысить его управляемость. Уже сама эта цель нечестна и контрпродуктивна. Радикальные группы и новые идеи вообще крайне важны для эволюции обществ, и исключать их из парламентов означает замораживать общество, мешать его развитию. Избирательный порог приносит равенство в жертву сомнительно понимаемой целесообразности, не говоря уже о нарушении избирательных прав множества избирателей. Число таких лишенных прав избирателей особенно высоко в молодых демократиях без устоявшегося политического спектра. В сложившихся демократиях избирательный порог отталкивает избирателей от новых партий с новыми идеями: избиратели не надеются, что такие партии пройдут порог, и не голосуют за них. Особенно лицемерная практика – передача мест партий, не прошедших барьер, тем, кто его прошел. Получается, что избирателям назначаются парламентские представители, за которых они не голосовали. В результате образуется конфликт интересов, сходный с тем, что характерен для голосования простого большинства: депутаты просто не могут честно представлять граждан, проголосовавших против них.

В бизнесе принято осуждать монополии и поощрять новые компании-стартапы. Однако в политике, напротив, избирательный порог закрывает двери парламента перед партиями-стартапами и охраняет монополию двух-трех партий-колоссов. Если кого-то и распускать, то именно крупные партии, ограничив максимальное число депутатов от каждой партии.

Другой способ ограничить чрезмерное разрастание партий – юридическая ответственность за предвыборные обещания. В стремлении привлечь как можно большую аудиторию партии пытаются предложить что-то всем и каждому, и чаще всего эти предложения противоречат друг другу. Правительство скрупулезно контролирует рекламу фармацевтических компаний, но оставляет без внимания потенциально куда более опасную политическую рекламу. Как производители лекарств обязаны сообщать о тех или иных фактах, так и партии должны публиковать набор предвыборных обещаний, неисполнение которых повлечет за собой исключение партии из текущего парламента.

Подростков совершенно необоснованно исключают из выборов. Если подросткам можно вступать в брак, то тем более нет оснований запрещать им избирать. Даже взрослые порой принимают на выборах крайне неудачные решения. Молодежь более восприимчива к новым идеям и в силу этого могла бы разнообразить политический спектр. В противном случае стареющее население вызовет триумф реакционного консерватизма.

Когда в моду вошла физика и массы людей бросились ей заниматься, Эйнштейн предложил расстреливать каждого сотого

энтузиаста, чтобы в профессию пришли только самые преданные ей. Этот шуточный подход столь же справедлив и для политиков, которые влияют на жизни людей куда больше, чем физики.

Возьмем такую любопытную черту всех парламентов как система «один депутат – один голос». Для нее нет никаких оснований. Предположим, в стране проводятся пропорциональные выборы в парламент из 100 мест. В итоге один парламентарий получает 10% голосов, а остальные – по 0,9% каждый. Очевидно, что у первого депутата право голоса должно быть в одиннадцать раз больше. В современных избирательных системах эта проблема решается за счет партийных списков: партия, набравшая 10% голосов, получает 10 мест. Но поскольку голоса при подсчете округляются, соответствие получается грубым: 1,49% голосов дают только одно место (в теоретическом парламенте из 100 мест). Округление особенно вредно для новых мелких партий, которые в итоге могут потерять до трети своих голосов, как в нашем примере (0,49% из 1,49%).

Далее, партийные списки породили проблему приживал: в парламент проходили люди, не известные обществу, которые никаким иным способом не смогли бы туда попасть. Например, если в парламенте 400 мест, то для получения 50% из них партии нужно иметь в списке 200 человек (обычно даже больше). Однако общество знает и в действительности выбирает только первых пять–десять кандидатов из начала списка. Остальные же проходят в парламент без санкции избирателей: они никому не известны и во всех смыслах не могут считаться

избранными. Тем не менее они объявляются полномочными представителями народа. В теории они должны голосовать индивидуально, а не просто механически проводить решения своих партий. Партии знают об этой проблеме и часто заставляют своих членов голосовать согласно партийной линии под угрозой исключения. Однако эта практика противоречит долгу парламентария голосовать согласно совести и в интересах своих избирателей. Между тем проблема в том, что эти «балластные» депутаты просто не имеют собственных избирателей. Если посмотреть с другой точки зрения, выбравшие партию люди рассчитывают, что ее представители будут голосовать согласованно, поддерживая платформу партии либо взгляды ее известных членов. Итак, если предполагается, что члены списка голосуют как единое «корпоративное целое», то какой тогда смысл избирать в парламент индивидуальных депутатов?

Если вес каждой партии при голосовании будет пропорционален ее результатам на выборах, это позволит избавиться от балластных депутатов. Так, партия, набравшая 30% голосов, получит 30-процентный вес при голосовании в парламенте – это и будет ее корпоративное целое. От партийных списков следует отказаться; в ходе избирательной кампании партии могут рекламировать своих известных членов, но к собственно парламентской работе это не будет иметь отношения. Вместо этого каждая партия будет проводить совещание по собственным правилам, после чего подавать один голос. Процедуры принятия решений в партиях могут быть самыми разными, начиная от тайных совещаний и заканчивая

публичным обсуждением и открытым голосованием видных членов партии. Возьмем для примера парламент, состоящий из четырех партий с правом голоса, соответственно, в 40, 30, 20 и 10 процентов. Если законопроект одобряет первая и третья партии, в совокупности набирая 60%, он считается принятым. Такая система всепартийного голосования делает ненужным округление голосов: если на выборах партия получила 1,49% голосов, то и ее вес при голосовании будет составлять 1,49%.

Партийное голосование также решает проблемы, с которыми сейчас призван бороться избирательный порог, а именно управляемость парламента и недопущение популизма. Из столпотворения депутатов, не интересующихся законодательством и решающих собственные лоббистские и имиджевые задачи, парламент превращается в набор советов относительно эффективных и ответственных партий. Такие советы будут с большей вероятностью принимать разумные решения. Практика показывает, что большие парламента не являются ни прозрачными, ни профессиональными. Увеличение числа депутатов не способствует улучшению взаимного контроля и прозрачности, поскольку депутаты редко критикуют собственные партии, а другие партии критикуют поверхностно, чтобы ограничить ответный удар с их стороны. Увеличение числа депутатов не способствует и росту всеобъемлющего профессионализма парламента, поскольку депутатами обычно становятся юристы, демагоги и неудачники в других профессиях; даже если в парламенте оказывается настоящий специалист, другие парламентарии просто не в состоянии оценить уровень его компетенции. Парламенты никогда не

придерживались идеала абстрактного законодательства, они издают законы по мируду конкретных проблем и потому просто не в силах собрать компетентных депутатов из всех областей, которые подвергаются регулированию. В любом случае, парламент существует не для экспертизы, а для здравого смысла, и увеличение числа членов приведет к понижению общего знаменателя этого здравого смысла.

Партийное голосование никоим образом не исключает из парламента индивидуумов. Никто не запрещает создавать партии из одного человека и участвовать в распределении права голоса наравне с другими партиями. Если население страны составляет сто миллионов человек, сотню голосов может набрать кто угодно – и войти в парламент с весом в 0,0001%. Возможно, с точки зрения целесообразности стоит ввести избирательный порог в 0,1%: он не исключит из политического процесса здравые идеи, при этом он гораздо ниже порога в традиционном парламенте по системе «один депутат – один голос». Известные политики сочтут удобным избираться в одиночку, что позволит им единолично получить, скажем, 15–20% голосов. Для них это может оказаться привлекательнее, чем возглавить партию, получить лишь немногим больше голосов, но при этом балансировать между различными интересами внутри партии. Сейчас известные политики для получения необходимой поддержки вынуждены вступать в партии; ведь, избираясь в одиночку, политик получает только один голос, но с балластными депутатами его право голоса увеличивается. Если дать ему возможность распоряжаться не одним голосом, а всем политическим весом, которым граждане снабдили его на

выборах, он сможет отказаться от партийного списка.

Талантливые общественные фигуры смогли бы заменить в парламенте партийных функционеров. В каком-то смысле это был бы парламент аристократии, состоящий из достойных и видных людей с яркой личностью. Такие люди хорошо могут и выбрать премьер-министра, и контролировать его после назначения.

Голосование в реальном времени

Интернет способен радикально изменить структуру власти, введя систему постоянного голосования. Сейчас голосование по техническим причинам проводится только один раз в определенный промежуток времени. Если голосование будет постоянным и в реальном времени, люди смогут выражать и изменять свою позицию, когда пожелают. Как только кандидат в президенты (или депутаты) получит больше поддержки, чем нынешний президент (депутат), и это преимущество продержится определенное время, он тут же заменяет нынешнее должностное лицо. Выборы становятся постоянными, что устраняет лазейку для политиков-однодневок, привыкших между выборами вести себя безответственно. Если голосование постоянно, политики сразу же наказываются за невыполнение своих обещаний.

Каждый депутат будет иметь «голосующий вес», пропорциональный числу отданных ему голосов – фактически, числу граждан, предоставивших ему доверенность действовать от их имени. Никакой депутат не может представлять граждан,

Этика достойного общества не принимавших участие в голосовании. Отказ от фигового листка номинального представительства, когда депутаты представляют не проголосовавших избирателей, побудит людей активнее участвовать в выборах. Люди даже смогли бы назначать разных депутатов-представителей для разных задач: вполне разумно иметь разных доверенных лиц в военной и экономической сфере. Впрочем, это может быть сложно реализовать технически, поскольку множество государственных задач сложно однозначно классифицировать. Можно было бы назначать поверенных для решения конкретных вопросов. При такой системе парламент больше не будет закрытым органом, зацикленным на самом себе, а лоббистам будет сложнее ориентироваться в постоянно меняющейся ситуации.

У голосования в реальном времени есть и другая интересная возможность. Граждане могут отдать право решать какие-то вопросы своим представителям в парламенте, но по другим, более важным темам, они (граждане) захотят высказаться сами. Например, один депутат представляет в парламенте 100 тысяч человек, проголосовавших за него. Когда парламент обсуждает объявление войны, 70 тысяч его избирателей голосуют напрямую через Интернет. Соответственно, вес этого депутата снижается до 30 тысяч голосов. Возможность таких флуктуаций снизит уровень лоббирования, потому что ни один депутат уже не сможет гарантировать своим лоббистам нужный результат, ведь во время голосования его вес может резко снизиться. Период голосования по такой схеме может занимать, скажем, две недели. Граждане, не проголосовавшие за это время,

автоматически передают право распоряжаться своим голосом своему депутату в парламенте.

Крайне либеральные общества могут со временем вообще распустить парламенты и перейти к прямому голосованию граждан по всем вопросам. Такое голосование можно проводить по двум бюллетеням: 1) один гражданин – один голос, 2) голосование, пропорциональное налогу. Для принятия законопроекта необходимо его утверждение по обоим бюллетеням. Поскольку привлекать население к голосованию по каждому вопросу крайне обременительно, объем законодательства резко сократится. Чистая прямая демократия требует принятия законов большинством населения; если, скажем, 2% избирателей высказались за, 1% – против, а 97% воздержались, то такой закон принят не будет.

Прямое голосование способно серьезно подорвать власть групп интересов, которые сейчас оказывают непропорционально большое влияние на выборы и работу парламентов. Недалеко отстоят от них и шумные меньшинства, участвующие в выборах активнее большинства. Однако когда каждый депутат будет представлять только тех граждан, которые за него проголосовали, эта диспропорция уже не будет столь критичной. Граждане будут голосовать за то, что важно для них, и никто не сможет заставить их демонстрировать политкорректность и лжемораль, маскирующую чуждые им интересы. Лоббировать население невозможно, и пиарщикам будет гораздо сложнее заставить людей забыть о своих интересах (например, повысить налоги ради блага нуждающихся). Более того, отдельные граждане могут голосовать не за весь бюджет целиком, а за

Этика достойного общества конкретные статьи. Возможность по-настоящему влиять на государственную политику привлечет к голосованию больше людей, что еще больше подорвет влияние лоббистов. Прямое голосование без корпоративной «палаты» парламента позволит наложить на бизнес серьезные ограничения, что вынудит компании вводить более дружественные населению политики. Это, в свою очередь, заставит государство свернуть сложную систему налогообложения и вернуться к таможенным пошлинам и налогу с продаж как основным источникам дохода.

Крайне важным побочным продуктом прямой демократии станет расслоение общества и появление виртуальных государств с разной политикой. Так, какие-то избиратели могут захотеть финансировать никарагуанских повстанцев; если у них не получится склонить к этому большинство, они смогут решить направить на эту цель часть собственных налогов или изыскать какие-то иные неналоговые средства. Другая группа избирателей может решить платить больше налогов, чтобы обеспечить своих членов бесплатной медицинской помощью. В итоге государство будет выполнять только самые базовые функции, а виртуальные группы будут облагаться налогом сами себя и тратить их по собственному усмотрению. Важно то, что такие виртуальные группы произвольны: человек может вступить в группу А для одной цели, в группу Б – для другой и т. д. Группа А будет собирать 1-процентный налог для борьбы с голодом в Африке, а группа Б – налог в 0,2% для сохранения бабочек в бассейне Амазонки. В теории подобные группы можно создать для каждой строки бюджета: одни граждане будут поддерживать (и финансировать) одну статью расходов, другие – другую. Поскольку вокруг конкретных цифр по каждой статье бюджета будут возникать разногласия, процесс расслоения остановится на уровне индивидуума: каждый человек будет самостоятельно решать, сколько он хочет тратить на ту или иную статью расходов. Государство может управлять мотивацией людей при финансировании проектов: если человек не платит налоги, скажем, на строительство шоссейных трасс, то он и не может пользоваться ими бесплатно. В результате все проекты будут разделены на частные (платные) и социальные (бесплатные для

Этика достойного общества тех, кто их профинансировал). Когда люди сами будут тратить свои налоговые сбережения, это существенно ограничит возможности государства по управлению бюджетом. Граждане будут распоряжаться своими деньгами разумнее политиков. Уже сейчас технически возможен и сбор голосов граждан, и управление средствами.

Идею прямой демократии могут поддержать бюрократы. Прямая демократия ослабляет коррумпированные представительские учреждения, лишая их свободы принятия произвольных решений по большинству вопросов, которые теперь будут выноситься на референдумы в реальном времени. Это, в свою очередь, усилит позиции бюрократов, воплощающих эти решения в жизнь. Прямая демократия послужит децентрализации бюрократии: каждая группа будет назначать собственного мини-президента для управления проектами и бюджетом. Бюрократы любят децентрализацию, потому что она создает новые независимые кабинеты и предоставляет лучшие возможности для карьерного роста, пусть и в меньшем масштабе.

В богатых странах граждане, удовлетворив свои основные нужды, ищут новые занятия и интересы, и здесь их пути могут расходиться. В этот момент они уже не единый электорат и даже не несколько избирательных округов. Прямая демократия позволяет гражданам формировать территориально независимые группы и достигать важных для них задач.

Сторонники непрямой демократии утверждают, что общественность интересуется только экономикой, а политические проблемы она готова поручить профессионалам. Но депутаты,

редко читающие законы, профессионалами не являются; степень по праву не делает депутата экономистом или политическим интриганом. Некоторые депутаты являются опытными бюрократами, но навыки работы с документами не помогают писать полезные законы. Рядовые граждане охотно и со знанием дела рассуждают о спорте и фильмах, что меньше затрагивает их повседневную жизнь, чем политика. Отсутствие интереса к политике коренится в отчаянии. Когда люди ощущают неспособность что-либо изменить, когда они чувствуют себя обманутыми, тогда они начинают демонстративно отстраняться от разговоров о политике. Прямая демократия снова сделает важным мнение каждого человека, что побудит его активнее участвовать в голосовании. На место цинизма пришли бы живые и компетентные обсуждения политических тем. Принятие разумных законов гораздо вероятнее, когда голосуют независимые граждане, а не депутаты парламента, вечно ищущие компромисс и общий знаменатель (обычно самый низкий). Работа в компаниях поможет гражданам приобрести опыт, необходимый для прямой демократии.

Аналогично, миноритарные акционеры могли бы постоянно голосовать по вопросам бизнеса, а не делегировать свои права совету директоров. Участие акционеров в повседневных делах компаний уменьшило бы число злоупотреблений со стороны руководства.

Голосование деньгами

Деньги невозможно удалить из политического уравнения. И вряд ли это стоит делать, ведь в основном государство имеет дело с перераспределением ресурсов. Совершенно естественно, что более состоятельные люди хотят влиять на государство больше, чем люди с меньшими доходами. Нет ничего неправильного в том, что люди или компании, вносящие весомый вклад в доходы государства и его ВВП, могут в большей степени контролировать формирование бюджета. Другие меньшинства, например национальные и профессиональные, постоянно требуют от государства уступок, которые они не смогли бы получить демократическим путем, и с этим подходом никто не спорит. Так почему же нужно отказывать в этом праве другому меньшинству – финансовому?

Форма возможного денежного участия может быть гибкой, от «совета безопасности» с правом накладывать вето на неоправданное перераспределение финансов до особой палаты парламента. Голосующим весом сенаторов такой палаты будет функция налогов, выплаченных их частными и корпоративными избирателями. Выборы будут проходить территориально, а победители получают голосующий вес исходя из налогов, собранных в своих округах. Голос каждого избирателя будет равняться его налогам; один доллар – один голос. Поскольку из-за налогов тайное голосование невозможно, вместо выборов можно назначать парламентских представителей напрямую: каждый частный и корпоративный налогоплательщик назначает доверенное лицо, и в парламент проходят сто доверенных лиц,

получившие больше всех «долларовых» голосов. Налогоплательщики могут в любое время через Интернет заменить своих представителей или назначить ими тех, кто уже прошел в парламент.

Идея парламентского представительства корпораций может показаться странной, но такое представительство и так неявно существует в виде лоббирования. Представлять корпорации ничуть не более странно, чем взимать с них налог. Если обязать корпорации выплачивать всю прибыль акционерам, взимать налог только с частных лиц и представлять в парламенте только их, то здравый смысл снова восторжествует над юридическими фикциями и искусственными образованиями.

Народная и Денежная палаты создадут оптимальную систему сдержек и противовесов, которой невозможно достичь с помощью нынешней системы народного и регионального представительства. Прозрачный политический процесс почти полностью вытеснит лоббирование, коррупцию и даже искусственное формирование общественного мнения с помощью прессы. Государственную политику будут формировать талантливые предприниматели, а не политики-демагоги. В Денежную палату попадет образованный средний класс и состоятельные граждане, что повысит общий интеллектуальный уровень парламента. Многие члены Денежной палаты будут представлять собственное состояние, что сделает их более ответственными, чем политики, делящие деньги других. Это решит главную проблему демократии, когда деньгами меньшинства управляет большинство, растрачивая инвестиционные ресурсы и экономику в целом.

Изначально парламенты стремились уравновесить общество и деньги, представленные аристократией. После индустриальной революции аристократия стала представлять уже не деньги, а недвижимость. Когда же началась массированная продажа земли сельскохозяйственной буржуазии, все, что осталось у аристократии, это представлявший территории титул. Так возник номинально двухпалатный парламент, где сенаторы представляли территории. Эта система более не эффективна даже в федеральных государствах, где автономии почти всегда поддерживают решения большинства. После десятилетий и веков федерализма противоречия между центральным правительством и автономиями практически сошли на нет, если не считать разве что споров о распределении бюджета. Нижняя и верхняя палаты парламента больше не уравнивают друг друга. Введение Денежной палаты вернуло бы парламенты к исторически проверенному балансу между целями и средствами, людьми и ресурсами.

Денежная палата может предоставить деловым кругам необходимое им влияние, что ликвидирует предпосылки для неоправданно высокого вмешательства бизнеса в выборы народных представителей. Чтобы еще больше снизить вероятность сговора между палатами, членов нижней палаты можно избирать случайным образом среди населения. Ставка на здравый смысл рядовых граждан оправдала себя в системе жюри присяжных и точно так же сработает и в парламенте. Сейчас система выборов поставлена с ног на голову: она приводит к власти людей самых низменных нравственных качеств. Случайный выбор парламентских представителей – лучшее

решение. Чтобы популярные лидеры могли заниматься законотворчеством напрямую, избранных парламентариев должно быть немного.

Регулирование неизоморфных обществ

Когда государства из городов превратились в крупные национальные образования, они стали включать в себя различные группы с разными, нередко противоречащими друг другу ценностями и интересами, соотнести которые можно было только двумя основными способами: снижение до наименьшего общего знаменателя и подкуп. При первом варианте регулятивные решения примитивны. В условиях слабого общественного контроля решения хаотичны и эксплуатируют временные слабости в позиции других групп. Ожидая скорой реакции или сокращения обретенных привилегий, каждая из групп старается выжать из ситуации как можно больше. Группы получают от других групп уступки в обмен на согласие с выгодами, которые эти группы получили для себя. По мере роста притязаний растет стяжательство при взаимных уступках: люди и группы привыкают к выгодам и требуют новых, запрашивая все больше и больше бюджетных денег. Хаотичное регулирование и постоянно растущие требования групп приводят государство к банкротству.

Раньше государством управляли только несколько групп, так что они всегда могли прийти к консенсусу, особенно если у них был общий оппонент – народ. Рост социальной мобильности, активности населения и политической

Этика достойного общества прозрачности привели на передний край политики множество новых групп. Их разнообразие и подвижность мешают сотрудничеству, зато все они хищнически эксплуатируют административные и финансовые ресурсы государства.

В менее развитых обществах, а в отдельных случаях и в либеральных демократиях влияние групп зависит не столько от их численности, сколько от агрессивности. В противном случае сила политических партий определяется преимущественно электоратом. У партии есть два способа увеличить свой электорат: найти крупных спонсоров и одурачить людей с помощью массивной ложной рекламы (так поступают правые) или привлечь их заманчивыми обещаниями (левые). Обман – не лучшая долговременная политика в прозрачных обществах; даже правые нередко потворствуют своим избирателям, хотя и меньше, чем левые. В результате партии соревнуются в том, кто эффективнее подкупит избирателя, что подстегивает перераспределение ресурсов. Этот процесс очевиден даже в таких однородных демократиях как Рим, и тем более он существует в современных разнородных демократиях. Если плебейм нужны просто подачки, то группам нужны *привилегированные* подачки. Когда каждая из многих групп постоянно требует больше выгод, чем другие, расходы государства растут в геометрической прогрессии.

Аристократия уравнивала народные притязания и тем самым отсрочивала банкротство государства. Точно так же ограничивали перераспределение тоталитарные государства. В прозрачных либеральных демократиях эту функцию могут

выполнять два механизма: рациональность избирателей и возможность для политиков и их корпоративных спонсоров дурачить людей. Оба эти механизма непрочны, и либеральным государствам ничего не остается, кроме как пожирать самих себя через губительное перераспределение.

Однородные демократии часто давали миру талантливых лидеров; разнородные общества довольствуются посредственными политиками, которые потакают большинству групп и не угрожают ничьим интересам. Чем больше в обществе разных групп, тем больше политик должен идти на компромисс, чтобы прийти к власти. В результате все лидеры насквозь заурядные и фальшивые. Неудивительно, что они не могут убедить народ ограничить перераспределение.

Политические партии стремятся привлечь как можно больше избирателей даже несмотря на то, что интересы последних нередко взаимоисключающи. Предвыборные платформы партий становятся расплывчатыми, поскольку партии хотят привлечь как можно больше людей, а обидеть – как можно меньше. Разнородные демократии способствуют политическому изоморфизму. У всех партий одна и та же программа, и избиратели голосуют либо по привычке, либо случайно, либо субъективно – под воздействием рекламы, либо из протестного чувства, желая досадить текущему режиму. За исключением кризисов, когда ситуация требует экстренного вмешательства, рациональные лидеры предпочитают бездействовать, дабы не обидеть избирателей и не лишиться спонсоров доходов.

Из-за упомянутых факторов сегодня государства исчезают с карты быстрее, чем в древности. В течение последних трех веков эту тенденцию сдерживал быстрый рост благосостояния, позволявший государствам удовлетворять растущие требования и поддерживать разбалансированное законодательство. Быстрее всех развиваются общинные культуры, такие как традиционная Япония, где было меньше внутренних противоречий и, следовательно, меньше народных требований и хаотичного регулирования. Впрочем, рост благосостояния разрушает традиционную однородность и в таких странах. Раздираемые внутренними конфликтами интересов, общества приходят в упадок. В теории есть только два способа помешать этим процессам: 1) развить необходимую степень гибкости и постоянно перемещать население, поддерживая несколько относительно однородных мини-государств; 2) учредить экономический либерализм с предельно ограниченным регулированием и перераспределением.

Почему интеллектуалы склоняются влево

Для интеллигенции характерна независимость и уважение к чужим взглядам. Как следствие, интеллигенты обычно придерживаются либеральных взглядов, в отличие от современных гуманитариев с социалистическими воззрениями. Интеллектуалы на службе государства занимаются изысканиями в областях, интересных только им самим, но за государственные деньги. Они презирают либеральное общество, в котором не могут найти ни потребителей, ни спонсоров для той чепухи, над

которой они работают. Они благоволят бюрократическому государству с развитым регулированием потому, что надеются повлиять на такое государство своими теориями или хотя бы оправдать его политику. Обладая крайне узкой специализацией, они не видят непостижимой сложности мира. Будучи рационалистами, они поддерживают государственный позитивизм.

Централизованное финансирование породило интеллектуальную бюрократию, превратив науку в регулируемый истеблишмент, в котором продвижение зависит от докторских диссертаций и сидения в библиотеках, а полет мысли и независимость новичков не встречают одобрения. «Официальная» интеллигенция совершила образовательную революцию, задушив всякую науку за стенами университетов. Сама став профессиональной, интеллигенция заклеила любую произвольную науку любительской и выдворила вон.

Когда Платон создавал свой образ мудрого философа, управляющего идеальным государством, он имел в виду вовсе не ученых бюрократов. Иерархия интеллектуалов делает их праведными в собственных глазах (раз государство их финансирует, значит оно подтверждает их правоту), нетерпимыми (критика ставит под угрозу доходы), левыми (они зависят от государства), противниками либеральной экономики (неспособность зарабатывать самостоятельно побуждает их презирать частную собственность) и позитивистами (интеллектуалы влияют на регулирование). С помощью субсидий государство попросту покупает интеллектуалов,

Этика достойного общества заставляя их обелять режим в глазах народа – за счет самого народа, платящего налоги.

Предвзятость корпоративной прессы

Одновременное владение и СМИ, и промышленными компаниями образует конфликт интересов, особенно в случае, когда поставщики (например производители оружия) ведут бизнес с государством и зависят от общественного мнения. Этот эффект особенно значителен в неразвитых экономиках, где олигархи монополизируют прессу.

Хотя значительная часть населения, если не большинство, относится к получаемой информации не критически, отдельные люди все-таки отказываются верить лжи. Потребность в истине есть всегда, и ряд СМИ стремятся придерживаться фактов. Истина подобна другим товарам: высококачественные изделия относительно редки и дороги, тогда как подделки дешевы и доступны в изобилии. Генерировать «информационный мусор» прессе выгодно, потому что его финансируют лоббисты, бизнес и рекламные спонсоры. Качественная оппозиционная точка зрения и реже, и дороже, но тем не менее сейчас она звучит даже чаще, чем раньше, и для нее тоже есть спонсоры: идеологически мотивированные фонды, в том числе благотворительные, институты, политические организации, соперничающие политические и деловые круги. Честная пресса пользуются народной поддержкой, менее доступной для устоявшихся СМИ; ее рекламные сборы тоже значительны, хотя и меньше в пересчете на отдельного читателя. Оппозиционная точка зрения

обычно обращена к радикальной и образованной аудитории, менее склонной к покупкам на основе рекламы. Читатели левой прессы часто бедны, из-за чего она менее привлекательна для рекламодателей.

Подобно другим корпорациям, медиакомпания стремятся увеличиваться в размерах. Газеты сражаются за рынок ничуть не меньше, чем производители товаров. Честное изложение фактов проигрывает конкуренцию сенсациям. Обличение лжи превращается в маркетинговую стратегию, поэтому СМИ следят друг за другом, не допуская чрезмерного распространения ложной информации. Коммерческие круги, стоящие за крупными медиакомпаниями, не могут рекламировать себя слишком назойливо, иначе об этом тут же раструбят конкуренты. Точно так же пресса не может и безоговорочно поддерживать правительство: удар по репутации – это всегда падение доходов. СМИ уравнивают коммерческие интересы своих собственников (консервативные, правые, милитаристичные, рекламные) с соображениями рынка и, следовательно, предпочтениями аудитории (демократическими, левыми, пацифистскими, не обращающими внимания на рекламу).

Компании GE и Westinghouse конкурируют друг с другом как производители оружия, но как медиагиганты они совместно популяризируют милитаризм и гонку вооружений. С нравственной точки зрения этот конфликт интересов достоин порицания, но вряд ли его можно устранить: корпорации имеют полное право продвигать свои товары и формировать для них рынок,

Этика достойного общества промывая мозги потребителю. Зрителю остается либо принять информацию с долей скепсиса, либо переключить канал.

Но имеет ли вообще место конфликт интересов? Несет ли пресса ответственность перед людьми? Возможно, в тоталитарных обществах, где пресса контролируется государством, да, однако в рыночных экономиках со множеством частных СМИ информация превращается просто в очередной товар. И как с любым товаром, покупатель должен осознавать, что он покупает. Предвзятая реклама и основанные на фактах новости, если в них нет прямой лжи, вполне приемлемы, как контракт может быть многозначным, но не насквозь лживым. Политические партии тоже искажают факты, подгоняя их под свою политику, хотя и осознают ответственность перед людьми. Невозможно заставить кого-либо тщательно освещать каждую грань истины, и потому точки зрения всегда были и будут субъективными. Невозможно заставить рекламодателей представлять факты строго объективно, как вообще невозможно силой насадить любой позитивизм. Каждая сторона всегда имеет доводы в свою пользу, которые отстаивает перед судом или общественностью. Люди должны сами распознавать истину, сравнивая различные точки зрения и критически воспринимая информацию.

У большинства СМИ общие интересы, будь-то верность законному правительству (или одобрение непопулярного режима демагогов), и они никогда не подадут информацию так, чтобы она противоречила их интересам. Эта ситуация и не плоха, и не хороша. Инакомыслие всегда было делом рискованным, и хорошо уже то, что либеральное общество его

допускает. Не существует практических способов популяризации инакомыслия; совершенно неочевидно, что радикальные взгляды вообще следует продвигать, особенно ввиду того, что они зачастую противоречат друг другу. Радикальные взгляды по определению неприемлемы для большинства людей, и часто не зря. Общество не выигрывает от легкого доступа к радикальным взглядам, которые оно не сможет критически осмыслить без специальной подготовки. Жизнеспособные идеи проходят испытание временем, преследованиями и оценками тех людей, которые их ищут, изучают и обсуждают. Глобализация и информационная революция тоже способствуют распространению инакомыслия.

Отсутствие закона - не беззаконие

Поскольку центральное планирование неработоспособно, бюрократы действуют спонтанно. Они либо издают законы *специально* к каждому конкретному случаю, как делали первые советские комиссары, либо формулируют произвольные решения в виде плана, либо попросту искажают закон.

Когда анархисты-социалисты предлагают отказаться от законодательства, они фактически предлагают снять ограничения с бюрократии. Между тем они хотят сохранить контроль не только над большей частью собственности, но над каждым аспектом политики и даже нравственности, решая, какой тип распределения доходов самый справедливый. Без законодательной системы такой контроль только провоцирует беззаконие.

Настоящие анархисты требуют отменить закон только потому, что они отвергают идею регулирования как таковую. Когда ни один человек или группа не может навязать свои взгляды другим, в законах нет никакой необходимости.

Анархисты против социалистов

Различие между анархистами и социалистами можно проиллюстрировать примерами из истории Германии и Испании. В Германии многие коммунисты присоединились к нацистам, поскольку и те, и другие проповедовали один и тот же тоталитаризм, а несколькими несущественными нюансами о национальностях и классах можно было пренебречь. И те, и другие проповедовали переходный период, когда они якобы вынуждены достигать своих иллюзорных задач драконовскими методами.

Анархистская Испания была единственной страной, которая противостояла фашизму принципиально, но вовсе не из-за его внутренней угрозы. В анархистских коммунах власть была распределенной, и поэтому противостояние тоталитаризму – естественным.

Всюду в Испании, где социалисты приходили к власти, они сразу же строили бюрократическую государственную экономику с согласия и местной буржуазии, и советов. Эта система была довольно близка к фашистской, что объясняет их сближение впоследствии.

Нравственность свободного общества не уступает социалистической

Хотя убийство одного человека несущественно для общества, оно сурово осуждается, ведь оно существенно для убитого. Общество могло бы наказывать за политические отклонения, но не делает этого из уважения к свободе выражения. Естественный закон отвечает ценностям обычных людей, а не трансцендентным социальным задачам.

Либерализм предполагает, что в целом люди хорошие, а небольшое уголовное законодательство должно снизить ту склонность к злу, которая у них все же есть. Социализм считает, что люди злы и глупы, что им нужна поддержка, регулирование и руководство государства.

Да, некоторые капиталисты производят омерзительное впечатление. Но если они настолько плохи, почему так много людей сотрудничало с ними и помогло им добиться успеха? Процесс был обратный: сила денег, как вообще любая сила, портит человека: вот почему самые успешные предприниматели часто проявляют худшие качества. Свободные общества с развитой экономикой, подвижной рабочей силой и рынком капитала минимизируют отрицательные качества богачей, не позволяя им вредить обществу. В социалистической системе мощное государство ведет себя гораздо хуже, назначая на бюрократические должности людей угрожающей заурядности, единственной добродетелью которых является верность начальству. В крупных корпорациях есть много похожих черт, однако там они смягчены необходимостью бороться за

Этика достойного общества экономическую эффективность; в отличие от государства, корпорации конкурируют друг с другом.

Свободное общество вовсе не обязательно индивидуалистично: люди могут жить в общинах, однако их к этому никто не принуждает. Более того, объединяться в гармоничные сообщества могут только свободные люди. Подобно атомам, люди объединяются, балансируя силы притяжения и отталкивания. Как сверхплотные черные дыры разрушают материю, так же неестественная унификация классов, религий и наций разрушает связи между людьми. Пропагандой невозможно привить сострадание – основную связующую силу общин. Чтобы постулировать наличие абстрактной коллективной этики, в отличие от этики индивидуальной, социалисты подходят к общине либо как к синергетическому продукту сложной адаптивной системы, либо как к живому существу. В первом случае общинная этика становится непредсказуемой, точно так же как, скажем, работа свободного рынка. Как планирование не должно подменять собой экономические действия отдельных людей, так же воображаемая общественная этика не должна подменять этику отдельных людей. Как социалисты хотели плановой экономики, так же они хотят коллективной этики, и потому отвергают те желания людей, которые противоречат централизованному экономическому и нравственному кодексу. Люди превращаются в расходный материал в якобы рациональной, но на деле произвольной общественной машине. Общество становится самодостаточным и начинает игнорировать своих членов.

Либерализм же принимает реальную этику реальных людей, а столкновения предотвращает минимумом регулирования.

Индивидуализм – не эгоизм, но доминирование интересов личности над интересами общества, за исключением крайних случаев. Когда Библия запрещает следовать за большинством на зло, она провозглашает индивидуальную этику.

Сейчас главная угроза свободе исходит не от тоталитарных деспотов, а от демократий. Когда принуждение исходит от правителя, общество быстро распознает его и восстает. Государства Большого Брата действуют по-другому: они обманом заставляют людей отказаться от свободы во имя якобы более высокого идеала нации. Те, кто хочет сохранить свободу, изображаются эгоистами, отвергающими коллектив. Но на самом деле они всего лишь хотят вернуться к естественному балансу интересов, существовавшему до того, как государства изобрели нации для подчинения и управления людьми как единым целым. Люди начали верить, что они винтики в колоссе под названием нация, и стали обуздывать свои стремления ради блага государства.

Не только социализм, но вообще любое жестко упорядоченное общество подавляет чувства людей, пока они наконец не выплескиваются с самыми разрушительными последствиями. Поучителен пример немцев, которые воевали с необычной жестокостью, особенно в гражданских войнах – крестьянской войне 16-го века и в Катастрофе века двадцатого. В свободном обществе недовольство снимается через перенастройку, непрерывный политический процесс и низкоуровневые гражданские конфликты.

Если общество начинает пренебрегать собственностью, оно вынуждено ограничить свободы и в итоге восстает против жизни. Такие общества агрессивны. Экономически либеральные общества относятся к людям с терпимостью и уважением. Когда людям есть что терять, они не будут предаваться агрессии и рисковать имуществом, образом жизни, самой жизнью.

Современные социалисты против капитализма? Но что такое капитализм? Основные его черты, такие как частная собственность на средства производства и наемная рабочая сила, существовали с незапамятных времен. Следовательно, социалисты выступают против исторической нормы ради построения эгалитарного строя, существовавшего только в самых экономически примитивных обществах. Поскольку примитивные экономики более эгалитарны, социалисты часто объединяются с луддитами в борьбе против инноваций, таких как банки, крупные заводы и глобализация.

Социализм подавляет довольно сильные побуждения: собственность, деловую инициативу и иерархию – все то, что невозможно устранить иначе, кроме как через идеологическую промывку мозгов и прямой запрет на инакомыслие. С другой стороны, капиталистическое общество основано как раз на этих побуждениях, в силу чего оно и более стабильно, и не боится инакомыслия. Неявно противостоя эгалитаризму, либеральное общество запрещает не идеи, но их насильственное воплощение. Даже требования повышения зарплаты и морализаторство – интеллектуальные плюсы для общества, поскольку ставят под сомнение либеральный идеал. Чем больше идей, тем лучше, и пусть люди сами выбирают, что им больше нравится. Социализм

же боится либеральных идей и свободного рынка, чем обрекает себя в долгосрочной перспективе.

Социалисты заявляют, что свободный рынок безнравственно растрчивает ресурсы на поддержание конкуренции, вместо того чтобы кормить голодных. Но отсутствие конкуренции приводит к росту цен, и потребители платят больше, чем в рыночной экономике. Плановая экономика работает на саму себя, а не на потребителей. Главная задача бюрократов – скрыть собственные ошибки при планировании, и поэтому они навязывают потребителям не нужные им товары, одновременно поддерживая дефицит на другие товары. В своем стремлении использовать всю мощь промышленности плановая экономика до конца амортизирует активы. Это мешает инновациям, из-за которых промышленные активы устаревают еще до износа. Социалисты говорят, что их политический порядок покончит со всеми страданиями. Однако страдания причиняют много других вещей помимо дефицита товаров, который несущественен для развитых обществ. Настоящая цель социализма подпитывается завистью к более успешным – она в том, чтобы устранить сам критерий успешности, уравнивая все и вся.

Если задачей является искоренение страданий, тогда давайте создадим гедонистическое общество, все члены которого в радости сидят на транквилизаторах. Давайте отговаривать людей от любви и альпинизма, ведь и то, и другое может причинять боль. Объявив страданием отсутствие высококачественной пищи и жилья, государство пытается возвести гигантскую регулятивную систему, единственная цель

Этика достойного общества которой – оградить людей от реального мира, лишить их свободы жить, достигать целей, страдать, ошибаться. Отсутствие страданий – это отрицание отрицания, оно ничего не говорит об утверждении, позитиве – а именно радости. Можно не страдать, но быть несчастным. Нередко страдания в прошлом даже увеличивают радость в настоящем.

Социальная гармония и эволюция нуждаются в том, чтобы люди и их устремления отличались друг от друга. Кто-то движет экономику, занимаясь бизнесом. Кто-то отвергает деньги, но еще больше помогает экономике, совершая изобретения. Кто-то отказывается от всего материального и индивидуального и решает заняться интеллектуальным развитием. Большинство людей избегают умственной работы и ответственности в бизнесе, поскольку довольны тем, что им дает работодатель или правительство, как древние охотники довольствовались полученным от природы. Глупые люди не менее важны, чем развитые, поскольку придают обществу инерцию, стабилизируют его в противовес непроверенным инновациям. Рационалистические попытки сделать всех людей одинаково успешными в бизнесе, образовании, зарплате, политике и верности власти дестабилизируют общество. Социализм вовсе не устраняет классы, под которыми понимаются группы интересов. Любая значимая профессия превращается в класс и начинает требовать от правительства повышения зарплаты за счет других. В капиталистическом обществе, если люди хотят повысить свой доход, они лучше служат другим. В социализме бюрократия, армия и идеологическое руководство являются привилегированными классами, поскольку социализм зависит от регулирования, ограничения имущества и воспитательной работы. Социализм даже обостряет классовую вражду, потому что его политика направлена всегда только в одну сторону, постоянно выдвигая вперед одни классы за счет других. Свободный рынок постоянно перенастраивает систему классов посредством множества мини-конфронтаций, споров о ценах и

Этика достойного общества

зарплатах и т. д. Социализм склонен к национализму, поскольку международное сотрудничество в производстве снижает зарплату неэффективных рабочих в развитых странах. Неспособность объединить пролетариев всех стран показывает, что рабочие не являются группой интереса, но сами объединяются с предпринимателями против других, конкурирующих рабочих – своих настоящих врагов. Общий интерес против бизнесменов у рабочих был только однажды и очень недолго – во время переходного периода к индустриальной экономике. При капитализме только принципиальные безработные, живущие на пособия, могут составить класс, потенциально враждебный к богатым. Но даже такие люди понимают, что брать деньги у государства лучше, чем уравнивать всех и каждого. Все остальные уважают собственность. Они могут завидовать богатым, но не противостоять им фундаментально: защита собственности отвечает интересам всех. Понимая отсутствие четких классовых различий в развитых обществах, социалисты возводят классовые границы между развитыми странами и странами третьего мира. Глобализация утверждает свободный рынок на мировом уровне, разрушая границы между странами так же, как свободный рынок разрушает границы внутри страны. Этот переход смягчается за счет международной помощи и постоянной реструктуризации дешевых кредитов. Подобно интеграции рабочих и бизнесменов в составе конкурирующих предприятий, производители и экспортеры третьего мира объединяются со своими потребителями в развитых странах, дополняя друг друга, а не враждуя.

Социализм – это противоречивая система по вымогательству благотворительности, требованию доброжелательности, поощрению воровства. Бедным предлагается передать ответственность за свою жизнь другим. Классовая ненависть подвергается институционализации, что превращает благотворительность в возмещение. Бедные разрешают бюрократам управлять страной и заведовать возмещением в обмен на откаты под маской субсидий.

Общественное неравенство подобно неравенству в природе. Молекулы газа движутся на разных скоростях, но это различие уменьшается по мере понижения температуры. Чем сложнее устроено общество, тем больше в нем неравенства. Прежде чем уравнивать доходы, социалисты должны сначала уравнивать способности. Это явление хорошо известно: социалистическое перераспределение работает только тогда, когда все свободы запрещены, а в нравственном плане все люди сведены к самому низкому общему знаменателю. Чтобы люди согласились уравнивать доходы, они должны сами считать друг друга равными. Если люди не считают друг друга братьями по доброй воле, социализм делает их равными силой. Тоталитаризм – другая сторона социализма.

Вопреки распространенной точке зрения, свободные рынки вовсе не нарушают личные отношения между людьми, разве что устраняют жесткую взаимозависимость в нищих сообществах. Напротив, свободный рынок требует от каждого человека честно взаимодействовать с множеством потребителей и сотрудников, чтобы сохранить бизнес. Социалистическая экономика этого не

Этика достойного общества требует: поскольку любая активность четко отрегулирована, от самого человека и его желаний почти ничего не зависит.

Распространенное заблуждение о том, что свободная экономика содействует отчуждению людей, возникло из-за возросшей мобильности населения. Это и неудивительно, поскольку, став богаче, люди становятся мобильнее и уже не так зависят от соседей.

В обществе свободного рынка больше конкуренции, чем в регулятивном социализме, однако конкуренция не означает вражду. Экономическое сотрудничество – это бескровный способ разрешить классовые и даже национальные конфликты. Международное торговое регулирование часто приводит к войнам. Конкуренция с одними – это союз с другими. Бакалейщик конкурирует с ближайшими магазинами, зато стремится лучше обслуживать своих клиентов. Конкуренция неразрывно связана с инновацией – основой современной высокотехнологичной экономики. В регулируемой экономике к инновации может привести разве что любопытство.

Эволюция отсеивает не слабых людей, но неэффективное поведение. Социализм закрепляет слабых, подавляя и конкуренцию, и эволюцию. Сегодняшние социальные блага достигаются за счет будущих поколений, которые будут жить хуже, чем могли бы. При конкурентной рыночной системе ситуация прямо противоположна.

Никому не нравится экстремизм, всех привлекает баланс. Неудивительно, что многим претит американская культура с ее погоней за деньгами. Однако это культура не столько свободного рынка, сколько неограниченного самолюбия.

Работомания, привычка полагаться только на себя, идеализация богатства – все это создает очень сильную экономику, но не содействует интеграции обществ. Такая экономика неустойчива. Большой процент американского ВВП генерируется иррациональными видами деятельности: спекуляциями, экспортом валюты, производством оружия для нужд государства. Иностранцы субсидируют американцев, импортируя доллары и ценные бумаги, инвестируя в раздутые фондовые рынки и теряя на их обвале, платя огромные деньги за американские бренды, поддерживая политизированные монополии. Япония следует похожим курсом: культ работы сильно перегрел ее экономику и породил те же мыльные пузыри. Как и предвидел Хаксли, СМИ только обостряют эту тенденцию потребительской рекламой.

Возможно, этот культ денег сформировался в результате того, что в американский «плавильный котел» попало большое число бедных, необразованных, лишенных корней и культуры иммигрантов. Оторванные от традиционного наставничества интеллектуальной и религиозной элит, понимая либерализм крайне поверхностно, они бросились в погоню за материальным. Единственным злом в свободной стране стала бедность. В отсутствие аристократии единственной элитой стали богатые. Деньги стали единственным тотемом, потому что других люди просто не видели. Деньги стали самым надежным критерием независимости и достоинства. Нация устремилась в погоню за прибылью. В отличие от Канады и Австралии, американцы сожгли все мосты со Старым Светом, утратив и старую мораль, и старые ценности. Принцип богатства любой ценой, не брезгуя

Этика достойного общества даже азартными играми и мошенничеством, стал приемлемой нормой. Когда на кон поставлена прибыль, взаимоуважение исчезает. Теоретикам еще предстоит описать такое общество, ответив на массу вопросов: ускоряют ли эксплуатирующие стратегии процесс обогащения общества? быстрее ли богатеют беднейшие слои общества? стабилен ли этот порядок? Однако жить в эгоистичном сообществе весьма некомфортно.

Высокий уровень преступности в Америке объясняется не только условиями жизни городских трущоб, большим числом живущих на пособие и вхождением в общественную жизнь иностранцев. Потребительство порождает беспокойство. Из-за всепроникающей рекламы и внедрения в общество потребительских привычек потребности растут быстрее, чем платежеспособный спрос, что вызывает неудовлетворенность. Когда люди чувствуют, что не в состоянии преодолеть пропасть между желаемым и достижимым, возникает отчаяние, толкающее на преступную стезю.

Однако природа постепенно берет свое. Американское общество медленно вырабатывает культуру, ограничивающую страсть к деньгам. Это может замедлить экономический рост, зато люди станут счастливее, а общество – прочнее.

Семья

Как и усыновление, развод означает насильственное изменение окружения ребенка. Однако развод больше напоминает природное бедствие, и, в отличие от усыновления, не совершается произвольно, просто в силу сиюминутного

желания. Запрещать развод непрактично; рождение ребенка не может считаться родительским контрактом по отношению к нему, поскольку сами дети весьма свободно трактуют собственную обязанность заботиться о родителях. Если бы эта обязанность была законодательно закреплена, как в библейские времена, то и родителям можно было бы запретить вредить своим детям через развод или неуважительное отношение. При разводе родители были бы обязаны выплатить детям серьезную компенсацию, что побудило бы их серьезнее относиться к браку. Точно так же общество может обязать детей поддерживать своих родителей после определенного возраста, например, оплачивая их вмененные или фактические расходы либо уплачивая налог в пользу родителей. Этот механизм лучше государственной пенсионной системы, которую можно было бы почти свернуть. Люди заводили бы больше детей. Экономический либерализм полностью оправдывает такую систему: родители несут ответственность перед детьми с самого рождения, а дети, в свою очередь, обязаны родителям жизнью. Как любой товар, жизнь требует оплаты.